

ArКАДий Марьин

ВИДИМО — НЕВИДИМО

Пьесы

AMERICANS BEGAN PI
USING LOCAL RULES,
BY THE 1860S, THE SP
BEING DESCRIBED AS

Аркадий Марьин
Видимо-невидимо

«Издательские решения»

Марьин А.

Видимо-невидимо / А. Марьин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747802-5

Если в спорах рождается истина, то что могут породить диалоги героев пьесы? Драматургия, древнейшее из искусств, как увеличительное зеркало, в котором отражается наш реальный мир. А придуманные персонажи, или, как ещё их называют, «действующие лица», скитаются в пределах собственной пьесы, сжимая в руках условные фонари, и ищут, как и тысячи лет назад, правду и справедливость. Занятие это очень нервное, ведь правда частенько то видима, а то снова невидима.

ISBN 978-5-44-747802-5

© Марьин А.
© Издательские решения

Содержание

Видимо-невидимо	6
Действие первое	7
Сцена первая	7
Сцена вторая	8
Сцена третья	10
Сцена четвёртая	12
Сцена пятая	14
Сцена шестая	18
Сцена седьмая	22
Действие второе	27
Сцена восьмая	27
Сцена девятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Видимо-невидимо
Пьесы
Аркадий Марьин

© Аркадий Марьин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Видимо-невидимо

Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

Виктор Семёнович – главврач лечебного заведения (или дома престарелых?);

Анатолий Петрович – гость, старший научный сотрудник кафедры психопатологии, нервных и психических заболеваний;

Анна Бубенцова – пациент;

Генрих Модеувкович – пациент;

Семён – пациент;

Зинаида Аркадьевна – медсестра;

Виктория – дочь Анны Бубенцовой, девушка лет девятнадцати;

Дядя Гриша – сторож;

Три медбрата.

Действие первое

Сцена первая

(Главврач и гость входят с улицы. Коридор).

Главврач: И что же такого необычного вам про нас напели в академии? Чем это мы лучше или хуже других?

Гость: Да нет же, что вы, Виктор Семёнович! Кто говорит о «лучше или хуже»? Просто достаточно широко стал известен тот факт, что в вашем лечебном заведении, скажем так, уже несколько лет обитает очень любопытная троица.

Главврач: Ну, наше заведение вы можете со смелостью называть домом престарелых.

Гость: Да-да, конечно, вывеску на центральном входе я видел. Но всё же со своей специализацией.

Главврач: Всё это очень легко объясняется. Вы знаете, что этот дом престарелых финансируется частными лицами? Ну, в большей своей степени. Люди, наши пациенты, попали сюда не по своей, конечно же, воле. Их сюда привозят близкие, родственники. Но привозят они сюда не просто стариков, не совсем обычных старикашек.

Гость: Да-да, мне это известно.

Главврач: Так вот, насколько необычны наши пациенты, настолько же можно назвать необычным наше заведение. С большой натяжкой можно назвать лечебницей, ведь мы проводим некоторые процедуры, но всё же в большей мере наблюдаем. Санаторием или домом отдыха тоже с трудом. Пансион? Да, но для медицинского учреждения это мало подходит. Так что уж пусть лучше дом престарелых. Классический, так сказать, вариант.

Гость: Но ведь среди обитателей этого заведения есть ещё и не совсем пожилые?

Главврач: Вы про Анну? Тридцать девять лет, двое детей, муж генеральный генерального отдела Генеральной Компании. А вы её видели? Видели, как она выглядит? Слышали, как она говорит, как произносит слова, и какие необычные обороты речи?

Гость: Виктор Семёнович, за этим, в принципе, я сюда и командирован. И, конечно же, мне хотелось бы взглянуть и на Анну, и на всю эту троицу, о которой мы с вами начинали беседовать с самого начала моего прибытия. Академия, да что академия, уже многие даже за пределами нашей академии заинтересовались этими удивительными субъектами.

Главврач: Пациентами.

Гость: Конечно, пациентами. Когда у нас будет возможность взглянуть на них? Мне хотелось бы провести видеосъёмку, естественно, с вашего разрешения.

Главврач: Вы ведь не на час заглянули?

Гость: Нет, конечно же, сутки полностью в моём распоряжении. Но хотелось бы управиться часов до шести, чтобы в городе быть хотя бы до сумерек. Я, знаете ли, по натуре не гонщик, предпочитаю ездить аккуратно.

Главврач: Та-а-ак. (Смотрит на часы). Около пяти часов у нас есть. Думаю, мы с вами всё успеем. Сначала давайте выпьем чайку, кофейку. Перекусим. Потом я вам покажу свои владения. Так, быстренько. У нас ведь тут, знаете ли, дорогущая аппаратура. Японская, швейцарская, немецкая. Как бы точнее выразиться... Для неофициальных клиентов.

Гость: Проводите клинические обследования?

Главврач: А почему бы и нет? Жалко ведь технику, простаивает! А так и для людей польза, и нам практика. Ну, вы понимаете?

Гость: Ясно. Что ж, интересно будет взглянуть. А коллектив большой?

Главврач: Да что вы! Обслуживающего персонала – три медбрата, медсестра, две нянечки – всего шесть человек. Два ночных сторожа, один шофёр, продукты возит. Эти трое из местных. И я, ваш покорный слуга, и администратор, и заведующий. Ну, или главврач. А вы, Анатолий... Извините, как вас по отчеству? Вылетело!

Гость: Анатолий Петрович. Старший научный сотрудник кафедры психопатологии, нервных и психических заболеваний.

Главврач: Что ж, очень приятно, но и удивительно. Вас с такой специализацией и что-то смогло заинтересовать здесь у нас?

Гость: Так ведь нам психам буквально всё интересно! Человеческая психика – материал до конца не изученный. И везде найдётся много интересного. Тем более для нас, – психологов, психопатологов, психотерапевтов...

Главврач: Да мне не жалко, раз интересно, смотрите, пожалуйста. И видеосъёмку мы вам обеспечим, это не сложно. Психи, значит, говорите?

Гость: Ну да, а кто же ещё?

Главврач: Чай или кофе?

Гость: Кофе.

Главврач: Лимон, сливки?

Гость: И то, и другое!

(Уходят, посмеиваясь).

Сцена вторая

(Комната отдыха, она же комната свиданий. Виктория ждёт Анну).

Виктория: (По сотовому телефону) Да, пап! Да, здесь! Жду, сейчас увижу. Я – нормально, да. Машина тоже нормально. Да нет, не быстро, даже не остановили. Да я аккуратно, па, не переживай! Хорошо... Хорошо... Хорошо... Ладно, буду. Ну, теперь к вечеру. Конечно, передам, если она меня узнает. Хорошо, всё равно передам. Пока! Да, до вечера! (Кладёт трубку в карман).

(Входит женщина лет пятидесяти в сопровождении медбрата).

Виктория: Здравствуй, мама!

Анна: Здравствуйте!

Виктория: Mamочка, это я, Виктория, твоя дочь! Ты меня узнаёшь?

Анна: Я вас узнаю, девушка, вы так не переживайте. Вы меня очень часто навещаете, как вас не запомнить. Что-нибудь снова принесли? Апельсины, конфеты, сок? Может быть книгу? Я люблю книги, вы помните?

Виктория: Да, мама, я помню. Вот привезла тебе Булгакова «Мастера и Маргариту».

Анна: Я читала.

Виктория: Ну, так что, мне теперь её обратно везти?

Анна: Нет, детка, оставьте её. Я прочту ещё раз с большим удовольствием. Это всё?

Виктория: Ещё папа просил передать тебе привет.

Анна: Чей папа?

Виктория: Мой папа, Аристарх Львович.

Анна: Ну что же, передавайте своему папе от меня слова искренней признательности за внимание и такой же дружеский привет. Благодарю. Теперь всё?

Виктория: Но, мама! Неужели ты меня так и не узнала? Это ведь я, Виктория, твоя дочь!

Анна: (смущенно) Дочь? Моя дочь? Как вас зовут, милая?

Виктория: Виктория. А папу Аристарх, он твой муж. У вас ещё сын есть, Лёша. Алексей Аристархович. А я дочка – Виктория Аристарховна. Ну, вспоминаешь? Мы же целая семья! Папа, ты, мы с Лёшкой! Вспоминаешь?

Анна: (оборачиваясь к медбрату) Девушка утверждает, что у меня есть семья. Можно ли в это поверить? Вот так, бездоказательно, не основываясь ни на каких доводах. Что ж. Сомнительно, однако! Как вы думаете, молодой человек?

(Медбрат молча пожимает плечами).

Виктория: Почему об этом нужно у кого-то спрашивать? Разве нельзя поверить мне, своей дочери? Мамочка, я тебя так люблю, мы так все за тебя переживаем. Как же ты здесь одна, без нас. Уже почти три года ты в этой лечебнице. Или как её называть?

Анна: Что вы, дорогая, почему одна? У меня прекрасные собеседники, друзья. Мы с ними увлекательно проводим досуг за игрой в настольные игры. Конечно, они в большей своей степени азартные, но медперсонал смотрит на это сквозь пальцы. Вы знаете, нам не запрещают по одному лишь мотиву, – говорят, что лишь бы нам было хорошо. Забота, милочка, о нас здесь заботятся.

Виктория: (с обидой, сама себе) Да, конечно, ведь мы никто о тебе не заботились. Сама ты тоже не больно-то к нам была привязана.

Анна: (медбрату) Что она сказала, я не расслышала?

Медбрат: Сказала, что они о вас не заботились, но и вам на них было наплевать.

Анна: Да-а? Интересно! Мне когда-то было на вас наплевать?

Виктория: (недоумённо) Что? Как ты...

Анна: Ну если вы обо мне не заботились, то это естественно, что отношения у нас не складывались.

Виктория: Мамочка, ты стала вспоминать, да?

Анна: Девушка! Вспомнить можно только то, что было забыто. В отношении вас и вашей семьи мне сказать нечего. И поверьте, это лучше, чем я могла бы просто взять и наплевать на вас. Давайте просто останемся добрыми знакомыми, хорошо?

Виктория: Хорошо, мама.

Анна: Нет-нет! Меня зовут Анна. Хорошо, Анна.

Виктория: Хорошо, Анна.

Анна: Вы расстроились? Ну не нужно так переживать. Поверьте, иногда лучше оставаться просто хорошими знакомыми, чем искать дружеской или более того, семейной близости.

Виктория: Да-да, конечно. Простите. (Собирается уходить).

Анна: Уже уходите?

Виктория: Мне пора. Ещё до города ехать.

Анна: В следующий раз вы привезёте для меня новую книгу?

Виктория: Конечно. Какую лучше?

Анна: Рассказы Платонова. Очень хотелось бы перечитать. Знаете, что-то мне здесь прямо навеивает. Привезёте? У вас есть Платонов?

Виктория: Ты же знаешь, мама, что есть. Привезу, конечно.

Анна: Ваша мама, возможно, действительно знает, мне же тактичнее всё же сначала поинтересоваться. Благодарю, что вы, золотце, так добры ко мне. Хочу заранее поблагодарить вас за томик Платонова.

Виктория: Конечно. Да. Пожалуйста... Мне пора...

Анна: Счастливо! Удачной вам дороги и скорейшего свидания вновь.

Виктория: Да, пока, мама...

Анна: Ан-на!

Виктория: Конечно. Пока, Анна. До свидания. (Уходит).

Анна: (Медбрату) Как она тебе?

Медбрат: Очень переживает.

Анна: Странно, правда?

Медбрат: Да как сказать...

(Уходят).

Сцена третья

(Появляются двое пациентов под наблюдением двух медбратьев).

Генрих: Опять к Анне посетительница, та же самая.

Семён: Ага, точно, та, которая пытается её убедить, что приходится ей родной дочерью.

Генрих: На что девушка надеется? Раньше-то ещё и с отцом приезжала, вдвоём её пытались уговорить.

Семён: Да мужик во всём виноват! Я это ещё тогда, несколько лет назад понял. Сколько прошло?

Генрих: Уже больше двух лет, наверное.

Семён: Вот! Всё дело в этом хмыре прикинутом. Анна – женщина ух! Птица, что называется, высокого полёта. Вот он и не смог такой вариант пропустить.

Генрих: Какой вариант, вы о чём, Семён? И в чём он виноват?

Семён: А в том виноват, что глаз на Анну положил, а может и вообще втюрился. Влюбился. Хотя вряд ли, конечно. Им ведь таким упакованным мужикам ровню подавай, с кем попало не снюхаются. Брезгливые больно.

Генрих: Так что получается, – виноват, что влюбился или то, что презентабельно выглядит?

Семён: Да нет, Гера, ты опять меня не так понял. То, что он выглядит как в шоколаде, это ещё не преступление. А вот то, что он дочку свою заставил в этом спектакле участвовать, вот это уже совсем ни в какие ворота!

Генрих: А что если девушка сама желает, чтобы Анна стала её приёмной матерью? Ну, или второй мамой?

Семён: Мачехой? То-то и оно, что они с отцом не уговаривают стать для девочки мачехой, а для мужчины женой. Они убеждают в том, что Анна всегда была матерью и супругой.

Генрих: Это возмутительно! На что только не идут люди. Но зачем это им нужно?

Семён: Э-э, родной! Если бы всё на свете знать да ведать, можно было бы давно стать повелителем планеты Земля и прилегающих к ней пространств. Ну, может быть, меркантильный интерес. Бабушкины драгоценности. Или дорожная квартира в центре столицы. Не нашей. (Заговорчески) А может формула создания универсального супер-топлива. Ничего нельзя исключать!

Генрих: Вы полагаете? А я как-то даже об этом не подумал. И всё же странно...

(Входит Анна в сопровождении медбрата).

Генрих: Здравствуйте, Анна!

Анна: Здравствуйте, конечно, но уж не с вами ли мы виделись утром на процедурах? Я, возможно, могла ошибиться?

Семён: Да это мы были, кто же ещё кроме нас проходит по утрам магнитофорез. Только мы трое, а значит, чего тут ошибаться.

Генрих: Я просто хотел выразить своё... Что я очень рад вас видеть, хоть мы...

Анна: Что «мы»?

Семён: Что, Гера, опять началось?

Анна: Ну, так что «мы», Генрих Модеувкович?

Генрих: Простите, иногда мне просто что-то мешает сказать. Вот и в этот раз. Что я говорил?

Семён: Ты рад нас видеть, хоть мы... Что «мы»?

Генрих: Почему я сказал «хоть»?

Анна: Это, дорогой наш Генрих Модеувкович, мы у вас хотели спросить. Видимо, опять приступ.

Генрих: Не знаю, возможно. Извините, я не могу этого контролировать.

Семён: Как и все мы. Не стоит так расстраиваться.

Анна: Ничего страшного. Это всего лишь приступ. Хотя мне показалось, что вы всё таки хотели сказать о чём-то очень важном.

Генрих: Да, возможно. Извините... А как ваше свидание с этой молодой особой?

Семён: А действительно, что эта девица, опять вас уговаривала стать её «мамой»?

Анна: Ах, милые мои соратники-пациенты, коллеги по клинике, братья по этому уютному и доброжелательному вольеру!

Генрих: Душевные прокажённые.

Семён: Не поэтизируйте. Обиженные на голову!

Анна: Ну это как вам будет угодно. А вот только я себя больной нисколько не чувствую. Может быть, я чего-то не помню, но ведь это не болезнь?

Генрих: Вообще-то в медицине есть понятие склероза.

Семён: Так ведь это у стариков.

Генрих: Необязательно. У стариков – старческий склероз.

Семён: А у младенцев – младенческий?

Анна: Друзья мои, я понимаю, на что вы намекаете. Но послушайте. В отличие от этой девушки, я помню всю свою жизнь до того, как я попала в этот дом. И в той жизни этой молодой особы нет. И это я вам говорю со всей серьёзностью и пониманием сложившейся ситуации. Возможно, черты моего лица каким-то образом могут напоминать девушке её мать, которая куда-то пропала, и о которой родственникам ничего не было известно. Это всего лишь моё предположение. Такой гипотезы отрицать нельзя. И теперь девушка вместе со своим отцом пытаются убедить скорее не меня, а самих себя в том, что я чудесным образом найденная их родная жена и мама.

Семён: Это слишком романтично, чтобы поверить.

Генрих: Да, всё же латиноамериканским сериалам место по ту сторону плоскости экрана телевизора.

Анна: Генрих Модеувкович, сколько я вас просила изъясняться проще.

Генрих: Выражаясь проще, – я согласен с Семёном.

Анна: Скажите лучше, мои реалистичные друзья, готовы ли вы после сегодняшнего обеда продолжить наши застольные состязания?

Семён: Вы, Анна, прекрасно знаете, что я всегда рад, то есть готов в любое время сразиться с вами хоть в застольной, хоть в настольной игре.

Генрих: Прошу заметить, что я так же поддерживаю увлечение в послеобеденных ристалищах.

Семён: Это вы за себя говорите, у меня с желудком всё в порядке.

Анна: Проще, Генрих Модеувкович.

Генрих: Баталиях... Ну хорошо, сражениях.

Семён: Это точно, своей игрой я всех сразить готов.

Генрих: Как говорят в Одессе: «Это ещё мы будем посмотреть!».

Анна: (Глядя на часы). А сейчас, я думаю, нам самое время отправиться на обед. Здоровой мозговой деятельности организма необходим питательный рацион со строгим соблюдением режима.

Генрих: То есть – своевременное питание.

Анна: Совершенно верно. Прошу всех в столовую.

Семён: Ну, хоть голодный я хитрее, подкрепиться не мешает.
(Уходят).

Сцена четвёртая

(Главврач и гость, прогуливаются).

Гость: И что, все трое с одним и тем же диагнозом?

Главврач: С одним и тем же. Ну, конечно, есть кое-какие особенности, а так все трое с бессудорожной эпилепсией.

Гость: Видимо у пациентов разного рода абсанс?

Главврач: Да, приступы протекают по-разному, даже симптомы во многом отличаются. Но насколько с моей стороны это было компетентно, был поставлен диагноз: бессудорожная эпилепсия.

Гость: Вы ведь помните, Виктор Семёнович, что до последнего времени эпилепсия считается не до конца изученной болезнью, слишком много белых пятен?

Главврач: Так ведь тем она и интересна. Как её только не называли: священная, лунная, божественная, святая, демоническая. Народные, фольклорные, так сказать, названия: падучая, трясушка, чёрная.

Гость: Не забудьте такие весёлые, как комитетская и парламентская.

Главврач: Помню-помню! Но это не наши пациенты.

Гость: Шутите?

Главврач: Конечно, дорогой вы наш, Анатолий Петрович. Как же нам без шуток? Стараемся здесь в глуши себя хоть немного тормошить, чтоб совсем не почернеть или обдемонизироваться.

Гость: Ну, этого вам не грозит. Медицине ещё не известны факты передачи заболевания эпилепсией воздушно-капельным или каким-нибудь другим путём. Кроме наследственности.

Главврач: Давайте всё же вернёмся к нашим больным?

Гость: Да-да, конечно, бессудорожная эпилепсия. Это интересно.

Главврач: Ещё бы. Я как раз захватил с собой истории болезни всех троих, чтобы не сидеть в моём маленьком заваленном кабинете. Мы с вами заодно и владения осмотрим, и с записями пациентов познакомимся.

Гость: Давайте начнём с Анны. На сколько мне известно, это уникальный случай в психиатрической практике.

Главврач: Несомненно. Вот, послушайте. (Раскрывает одну из трёх папок). Анна Бубенцова, тридцать девять лет. Образование высшее. Домохозяйка. Замужем, два ребёнка – дочь и сын. До поступления в лечебницу жалоб на самочувствие не наблюдалось. Первые признаки заболевания проявились внезапно в результате сильного душевного потрясения. Пароксизмы стали повторяться бессистемно от одного, до пяти раз в неделю. Приступу предшествует, со слов самой больной, ощущение прохождения электрического тока через всё тело, словно передёргивает, во рту неприятный металлический привкус. Кратковременная потеря сознания, абсанс, во время приступа наступает не всегда. В поведении преобладает вычурно-учтивая речь. Контактна, часто возникают эффективные колебания настроения. Регистрируются умеренно выраженные диффузные изменения электрической активности головного мозга, склонные к генерализации при левостороннем акценте, позволяющие предполагать некоторое преимущественное нарушение функций глубоких отделов левого полушария. Тут ещё данные

обследований, биохимические анализы, электроэнцефалография. А диагноз таков: эпилепсия с полиморфными бессудорожными пароксизмами и приобретённая выборочная амнезия.

Гость: Да, интересная пациентка.

Главврач: Несомненно.

Гость: А что за душевное потрясение? Что-то произошло? Несчастный случай или что-то в личной жизни?

Главврач: Ну, в общем-то, и то и другое.

Гость: Интересно.

Главврач: Да-да. Семья в достаточной мере обеспеченная, вы понимаете. Анна, пока детки были маленькие, сидела с ними дома. Что-то делала по хозяйству сама, что-то поручала домработнице. Но в основном, конечно, занималась детьми. Отец, её муж, «генеральный генеральной компании», постепенно стал от семьи отдаляться. Ну, как это у них там бывает, – заседания, корпоративы, командировки. Возможно, что-то ещё, достоверно не известно. Но Анна, как и любая другая женщина, стала это чувствовать, причём воспринимать очень остро. Сначала были какие-то разговоры, выяснения отношений. Но всё бесполезно. «Не пойман – не вор», а «кто не работает, тот не ест»! Вот и все отговорки. В общем, «я пашу как Бобик, а ты ещё и не довольна?». И неожиданно Анна вдруг перестала ворчать, скандалить, а просто-напросто стала сама пропадать из дома.

Гость: Запила-загуляла?

Главврач: Закрутила-заиграла! Стала посещать самые крутые городские казино, играть в рулетку.

Гость: И затем нервный срыв развился в игроманию.

Главврач: Совершенно верно. И так как все увеселительные заведения Анна посещала инкогнито, и остановить её никто не мог, примерно за месяц опустели её три банковских счёта. Она стала выпрашивать деньги у мужа, заняла у всех знакомых. Потом муж перестал давать деньги, а знакомые давать в долг. И пора бы уже остановиться, но Анну к тому времени захлестнула параноидальная тяга к игре. Итог этой истории оказался плачевным.

Гость: Ну не даром же она оказалась в вашем пансионе.

Главврач: Вот именно, что не даром. Мне уже потом её дочь рассказала о том, как далеко зашла мама. Дело в том, что две огромные квартиры, загородный коттедж, парочка дорогущих иномарок, ещё что-то из очень ценного, то ли антиквариат, то ли драгоценности, на то время были официально оформлены на Анну Бубенцову. И она успела, пока не спохватились, заложить квартиры, коттедж, продать одну машину. И это, возможно, был бы не предел. Но в один из вечеров что-то щёлкнуло в Анне, как будто чья-то невидимая рука взяла и выключила какой-то тумблер.

Гость: Её нашли без сознания?

Главврач: Почти. Когда её обнаружили, она стояла в ступоре со стеклянными глазами возле входа в одно из казино. Полтора часа примерно простояла, и никому до неё не было дела.

Гость: Пароксизм, но какой-то затянувшийся?

Главврач: Видимо, самый первый приступ был самым сильным. (Задумчиво). Была поздняя осень, а она стояла на улице в вечернем платье и смотрела в никуда...

Гость: Полтора часа?

Главврач: Ну, может и меньше, с часами рядом с ней никто не стоял. Швейцар покидывал на неё подозрительные взгляды. Он-то первым и забил тревогу. Завели аккуратно в помещение, усадили, привели в чувство подручными способами.

Гость: Прыскали водой, хлопали по щекам, наверно.

Главврач: До дефибриллятора не дошло. Посмотрели список контактов в сотовом, вызвали мужа. Потом выяснилось, что её уже три дня искали. А она в это время как птичка из казино в казино порхала.

Гость: А теперь вот этого ничего не помнит?

Главврач: Совершенно. словно переродилась, стала иной личностью. А ведь это совсем не на руку её супругу. Хотя и положительные стороны имеются.

Гость: То есть? Какие же в такой ситуации могут быть положительные стороны?

Главврач: Ну как какие? Недвижимость-то была заложена. А по закладным деньги нужно платить. А раз Анна невменяема, значит с неё и спрос невелик.

Гость: Погодите, кажется, я припоминаю. В газетах об этом писали. Не в центральных, конечно, так, жёлтая пресса, по-моему.

Главврач: Было, было дело. Скандал. Вот Анна Бубенцова здесь и оказалась, – подальше, так сказать, от юристов, кредиторов и разномастной журналистской братии.

Гость: А ведь у мужа другая фамилия? Тефтель... Шницель...

Главврач: Варенец.

Гость: Да, точно. Теперь окончательно вспомнил. Ну, так что, можем мы с ней переговорить? Как пациентка, контактна?

Главврач: В принципе, контактна, конечно. А другие пациенты вас интересуют? У них, видите ли, сложился некий тандем. Или трио, выражаясь вернее. Большую часть времени проводят вместе. Много беседуют. Ощутимое количество времени отдают игре в некоторые настольные игры, преимущественно азартные.

Гость: Азартные? На деньги?

Главврач: Ну, у нас не запрещается пациентам иметь наличные, живые деньги, так сказать. В формате нашего заведения этот момент находится в рамках правил внутреннего распорядка и совершенно легален.

Гость: Они что, и купить здесь что-нибудь на них могут? Это ведь абсурд!

Главврач: Нет, конечно, купить в этих стенах на деньги ничего нельзя, а в ближайший посёлок их никто не отпустит. Так, только для развлечения, для игры и только.

Гость: Погодите, но ведь Бубенцова, можно сказать, именно на этой почве психотравму и получила. На сколько это оправдано в клиническом плане лечения? Не вызывает новых приступов?

Главврач: В том-то всё и дело. Когда дочь Анны попросила у нас разрешения дать своей матери денег, – как уж она её уговорила? – мы были против. Мы опасались рецидива, эпилептического всплеска, ступор мог повториться от одного только вида купюр.

Гость: И что же?

Главврач: Каким-то образом деньги у неё всё равно появились. И причём пользовалась она ими без видимого вреда для собственной психики.

Гость: Это удивительно. Я должен с ней побеседовать.

Главврач: С другими придётся тоже. Мы как раз пришли. Они должны играть в этой комнате. У них после обеда, так уж заведено, игра. Традиция, понимаете ли.

Гость: Вы мне, знаете что, после сделайте ксерокопии лечебных карт всех троих, я буду вам очень признателен. А я с ними не только поговорю, я их ещё и на видео должен снять. (Спыхватываясь). Тьфу ты! Я же камеру в машине оставил. Придётся сходить.

Главврач: Сходите, я вас здесь подожду.

(Гость уходит).

Сцена пятая

(Появляется медсестра).

Главврач: Зинаида Аркадьевна, добрый день! Всё в порядке? Вижу тревогу во взгляде.

Медсестра: Пока не знаю, в порядке или нет, но вот что-то не так, это точно.

А должно такое быть или не должно, это вы сами определяйте.

Главврач: Зиночка, успокойтесь. Лучше просто расскажите, что произошло, и мы вместе попробуем рассудить, что к чему. Как раз и гость наш отлучился, так что у нас с вами есть немного времени поговорить.

Медсестра: Это очень странно, очень. Эта девочка, которая приезжает к своей матери, к Анне...

Главврач: Виктория?

Медсестра: Да, она самая. Так вот, она шла по коридору к выходу. Смотрела перед собой в пол. Медленно так шла, как будто во сне. И уже было прошла мимо меня, как вдруг остановилась. Словно вспомнила что-то и медленно-медленно подняла на меня свой взгляд.

Главврач: На вас, Зиночка?

Медсестра: На меня, Виктор Семёнович. Так, как будто увидела сначала мои ноги, а затем внимательно рассмотрела меня снизу вверх. И посмотрела мне прямо в глаза.

Главврач: В глаза? Посмотрела в глаза? Вам?

Медсестра: Вы знаете, Виктор Семёнович, я сначала тоже не поверила в первые секунды. Но она у меня спросила, где она может вас найти.

Главврач: Невероятно. Но как это возможно? У вас? Точно у вас?

Медсестра: Кроме нас двоих в коридоре больше никого не было. Я даже обернулась, чтобы убедиться.

Главврач: Что же это происходит?

Медсестра: Я тоже не понимаю.

Главврач: А что вы ей ответили?

Медсестра: Хоть мне было очень трудно это сделать, я объяснила ей, как найти ваш кабинет и она, сказав мне «спасибо», уже заметно быстрее, ушла в его направлении.

Главврач: Так-так-так. В кабинете меня нет. Значит она, если я ей очень нужен, скоро придёт сюда.

Медсестра: И что вы хотите?

Главврач: Хочу удостовериться собственными глазами, как это Виктория может вас видеть.

Медсестра: Виктор Семёнович, а может она тоже «того», а?

Главврач: Вообще-то девочка проходила обследование. И никаких отклонений обнаружено или зафиксировано не было. Но это было два года назад. Так что как знать, как знать... (Входит гость, Анатолий Петрович).

Главврач: (Тихонько медсестре) Оставайтесь, проверим.

Гость: (Ничего не заметив) Всё в порядке. Штатив, камера. Я с собой ещё аж пять кассет прихватил.

Главврач: Ещё с кассетами работаете?

Гость: Ну, это уж что досталось. Дали кассеты – будем работать с кассетами. Да, видимо, что было не жалко, то и дали.

Главврач: Понятно.

Гость: А вы что в такой задумчивости стоите? Как будто случилось что-то?

Главврач: У вас всё в порядке, говорите?

Гость: Да вроде бы да.

Главврач: А здесь в комнате тоже всё в порядке, как вы думаете?

Гость: Вероятно, да.

Главврач: Запахи никакие не беспокоят?

Гость: Какие запахи, Виктор Семёнович? Да что с вами?

Главврач: (Пытается незаметно жестами показать медсестре, чтобы та что-нибудь произнесла) А что-нибудь слышите?

Медсестра: (Несмело) Остеохондроз...

Главврач: (Гостю) Ну-у?

Гость: Птички вон за окном поют. У меня сердце бьётся. Вы «ну-у» сказали...

Главврач: И всё?

Гость: Вроде бы радио где-то говорит...

(Главврач делает жест медсестре, чтобы та сказала ещё что-нибудь, но громче).

Медсестра: (Громко) Грыжа!

Гость: Тьфу ты, чёрт! Ну, теперь понятно, откуда звук. У меня же камера на воспроизведении работает. Вот я балбес! Это я когда отдохнуть на полпути к вам остановился, дочуркин утренник смотрел. Вчера снимал. Отвлёкся, и выключить забыл. (Смотрит в видеоискатель). Ну вот, индикатор показывает, что батарея на исходе. Нужна подзарядка.

Главврач: Это хорошо. То есть, переживать не стоит, батарею подзарядить всегда можно. Вот вам ключ от моего кабинета. Рядом с компьютером куча розеток, туда и подключитесь.

Гость: Полчаса всего нужно...

Главврач: Да мы с вами ещё что-нибудь посмотрим. Пациенты всё равно ещё не вернулись с обеда.

Гость: А успеем?

Главврач: Ну, конечно же.

Гость: (Уходя, сталкивается с Викторией) Здравствуйте.

Виктория: Здравствуйте. (Замечает главврача). Виктор Семёнович, вот вы где. (Гость уходит).

Главврач: Да-да, мне уже доложили, что вы меня искали. Чем могу, так сказать?

Виктория: Виктор Семёнович, я по поводу мамы.

Главврач: Я вас внимательно слушаю.

Виктория: Я за неё очень переживаю.

Главврач: Как и все мы, милая.

Виктория: Да, но мама в вашем заведении уже больше двух лет, а ощутимых сдвигов в её состоянии здоровья я не вижу. Да и никто не видит.

Главврач: Вы слишком строги, Виктория Аристарховна. Вы разве забыли, в каком состоянии ваша мама поступила в наш пансион? А сейчас она с вами общается.

Виктория: Она общается со мной уже целый год, а что толку. Она ведь никого не узнаёт, ни мужа, ни сына, ни меня.

Главврач: Однако за то время, которое она провела в пансионе, она познакомилась с такими же пациентами и общается с ними каждый день, и узнаёт их каждый день. Так что прогресс на лицо. Процессы запоминания и памяти работают. Так что большая доля вероятности того, что амнезия отступит, несомненно, есть.

Виктория: Вы мне говорите это уже не в первый раз.

Главврач: И буду вам это говорить, потому что уверен в своих словах. Вы рано отчаиваетесь. Всё, как говорится, в наших руках.

Виктория: Но сколько ещё ждать?

Главврач: Терпение, главное – терпение. Нужно обязательно верить. (Медсестре) Как вы думаете, Зинаида Аркадьевна?

Медсестра: Я думаю, что вы правы, доктор. Наша с вами моральная поддержка, не только врачей, но и близких людей, должна обязательно помочь в выздоровлении. Скорейшем выздоровлении.

Виктория: Ой, извините, я вас сразу и не заметила. Я с вами в коридоре разговаривала. А раньше я вас здесь не встречала.

Главврач: Зинаида Аркадьевна недавно поступила к нам на работу. (Медсестра удивлена) Да-да! И является очень высококлассным специалистом. Ей как раз и предстоит вплотную заняться вопросом по эффективному лечению вашей мамы.

Виктория: (Медсестре) Какие-то новые методики?

Медсестра: (Смущённо) И методики, и препараты... и в целом... и комплексно...

Главврач: Новый подход, одним словом.

Виктория: Новый подход. А результаты?

Главврач: В течение этого года должны появиться результаты.

Виктория: Вы мне даёте слово?

Главврач: Ну, Виктория Аристарховна!

Медсестра: Мы постараемся... Я постараюсь.

Виктория: (После паузы) Я не смогу приехать на следующей неделе, у меня начинается сессия. Но я вам позвоню, хорошо?

Главврач: Конечно-конечно, по тому же телефону.

Виктория: До свидания.

Главврач: До свидания, Виктория Аристарховна. Звоните.

Медсестра: Всего хорошего, до встречи.

(Виктория уходит).

Медсестра: Новый работник, говорите? Высококласный специалист?

Главврач: Ну а что я должен был ей сказать? Раз уж она вас видит, Зинаида Аркадьевна, пусть вы для неё будете ещё одним психотерапевтом, чем неизвестно-непонятно кем. Или вы ей хотели представиться как-то по-иному?

Медсестра: Я? Я не знаю... Нет, зачем?

Главврач: Вот и замечательно. Почему случилось именно так, – ни вы, ни я не знаем. Так что будем просто ждать результатов.

Медсестра: Каких результатов?

Главврач: Это уже вопрос ни ко мне.

(Входит гость).

Гость: Вы тут с кем-то беседуете?

Главврач: Я? С кем?

Гость: Ну я не знаю. Я слышал ваш голос, вы как будто что-то кому-то объясняли.

Главврач: А может быть это всё-таки радио? Или может снова ваша видеочасть. (С улыбкой) Не пугайтесь. Я просто немного поразмышлял вслух. Бывает, знаете, с возрастом возникают странности. Вы меня как психотерапевт поймёте.

Гость: Да, конечно, в этом нет ничего страшного. Многослойность личности и сознания...

Главврач: (Перебивая) Вот и замечательно. Вы камеру на зарядку поставили?

Гость: Да, спасибо. Кстати, вот ключ.

Главврач: У меня возникла прекрасная идея. Пока ваша волшебная техника подпитывается электроэнергией, мы с вами осмотрим наш конференц-зал.

Гость: Конференц-зал?

Главврач: У нас прекрасный конференц-зал, очень большой. Там даже фильмы можно демонстрировать.

Гость: Какие фильмы?

Главврач: Любые! (Начинает подталкивать к выходу) Боевики, комедии, драмы, мелодрамы, документальные фильмы...

Гость: Хорошо-хорошо, я понял.

Главврач: Но лучше посмотреть. Вы меня в коридоре подождите, а я пока предупреджу персонал, что мы будем снимать пациентов. Так сказать, документировать на видео.

Гость: В коридоре? А с вами?

Главврач: Ну что вы, я очень быстро. Там стенды очень интересные. Практиканты в прошлом году привозили в дар нашей лечебнице. Про столбняк и его последствия – очень занятно.

Гость: Ну, хорошо. Вы только так не волнуйтесь. Нужно предупредить – предупредите, я ничего не имею против.

Главврач: Вот и замечательно...

(После неловко повисшей паузы гость выходит).

Медсестра: Конференц-зал?

Главврач: Да какая разница куда. Мне просто нужно было, чтобы он вышел. А к вам у меня просьба.

Медсестра: Вот в чём дело. Не хотели его пугать. Понимаю, впечатляющее зрелище – главврач, разговаривающий с пустотой!

Главврач: Для меня, Зинаида Аркадьевна, вы далеко не пустота, вы же знаете.

Медсестра: Так в чём просьба?

Главврач: Я бы вас хотел попросить подготовить морально троих пациентов, чтобы они не пугались нашего гостя и его видеокамеры. Поговорите с ними.

Медсестра: Это тех, что в карты постоянно играют на деньги, да?

Главврач: Их самых. Они сейчас как раз из столовой должны в комнату отдыха подойти для очередной «товарищеской встречи».

Медсестра: Я, конечно, с ними поговорю и подготовлю, сделаю, что в моих силах. Но, Виктор Семёнович, вы мне скажите, а зачем их снимать на видео? Вам это не кажется странным?

Главврач: (Улыбаясь) Не более чем тот факт, что я разговариваю с пустотой. А если серьёзно, то я, честно сказать, с самого начала, когда появился наш гость, стал подозревать что-то неладное.

Медсестра: Что именно? Вам тоже он кажется каким-то странноватым?

Главврач: Да и не только это. Маловато в нём от медицины, что ли. Или не декан-психопатолог он вовсе.

Медсестра: Ну, вы же можете его как-то проверить?

Главврач: Попробую...

Медсестра: А если он всё-таки «не», то тогда он кто?

Главврач: Проверяющих сейчас достаточно. Из министерства если, то полбеды. А если из Федеральной Инспекции по налогам и сборам...

Медсестра: То?

Главврач: Успеть бы позвонить кому следует. Мы люди подневольные, но этого прекрасного места терять не хотелось бы... Ладно, раньше времени не будем паниковать. Я сначала его прощупаю.

Медсестра: И пусть снимает?

Главврач: И пусть снимает.

(Расходятся).

Сцена шестая

(Входят Анна, Генрих, Семён).

Семён: Котлеты сегодня неплохие. Фарш должно быть ещё свежий завезли.

Анна: Я всё же определённо не могу понять, как мы должны котлеты есть ложками?

Семён: Опять вы, Анна, за своё. Мне, конечно, понятна ваша склонность к утончённым манерам, – вилы в левой, тесак в правой. Но местное начальство именно так и относится к ножу

с вилок. Наверняка они опасаются, что мы можем покалечиться или покалечить друг друга. По мне так и ложка хороша, больше взять можно.

Генрих: Да они просто боятся бунта!

Анна: Чего, простите?

Генрих: Бунта. Внезапного и беспощадного. Вдруг мы будем чем-то недовольны, и начнём бунт, воспользовавшись ножами и вилками.

Семён: Ну, Модеувкович, ты в своём репертуаре. Вот скажи, ты чем-нибудь недоволен?

Генрих: Ну...

Семён: Я имею в виду здесь, в этом заведении?

Генрих: Всем вроде бы доволен.

Семён: Так чем ты можешь быть недоволен *вдруг*?

Генрих: Ну, я думаю... может...

Семён: Ты, братишка, сперва покумекай, а потом уж языком бряцай. Тоже мне, бунтарь!

Анна: Вы, Семён, просто не оставляете Генриху Модеувковичу свободного пространства для мысли. Вы хотите, чтобы все думали как вы?

Семён: Ну, хорошо. Можно предположить, что страна решила резко сэкономить на металле и перестала в экстренном порядке выпускать ножи и вилки. Вот вам ложки и всё, достаточно!

Генрих: Так может государство тоже опасается бунта?

Семён: Вот именно! И головной центр находится именно здесь, а мы являемся активистами подпольной ячейки. А вы, Генрих Модеувкович, ничего неподозревающий тайный предводитель нашего тайного движения «Ложка, вилка и свобода».

Анна: Сколько в вас желчи, Семён. Безжалостно язвите, а не понимаете, чем может обернуться для Генриха Модеувковича подобное отношение к нему. А если понимаете, так это вдвойне преступно.

Семён: Как не понимать. Эмоционально перевозбудится ваш подопечный, отключится, и максимум что произойдёт, так харей об пол ударится. Чего бояться, мы же бессудорожные. У нас приступы спокойно протекают.

Анна: Какой вы всё же чёрствый, Семён. У нас с вами один и тот же диагноз, а ведёте вы себя, словно чем-то лучше других. Будто что-то знаете, чего не знаем мы с Генрихом Модеувковичем. Подобное поведение не заслуживает ни одобрения, ни учтвого снисхождения. Поэтому, Семён, если вы будете продолжать выставлять себя в подобном вульгарном свете, мне придётся оградить себя от вашего общества и ограничиться встречами на совместных утренних процедурах и посещениях столовой.

Семён: Ну что вы сразу, Анна...

Анна: Я пытаюсь подтолкнуть вас к мысли о том, что нам не удастся более разыграть совместно партию в карты. И всё из-за вашего поведения.

Семён: Да понял я, понял. И что вам моё поведение? Просто у меня характер такой.

Генрих: Совершенно очевидно, – если кто из нас и является предводителем тайного движения, так это вы, Семён. Вот у вас характер подходящий. Вы настоящий лидер. И я несколько не удивлюсь, если мне о вас в ближайшее время поведают что-то секретное и героическое.

Семён: (Тихо, самому себе) Первый партийный мандат я выпишу на твоё имя... (Всем) Извините, друзья, я никого не хотел обидеть, просто немного пошутил. Ну, так как насчёт партии?.. Я имею в виду карты.

Анна: Извинения приняты. А насчёт карт. Я думаю, наша традиция продолжится уже через несколько минут. Что скажете, Генрих Модеувкович? Вы настроены сегодня на игру?

Генрих: С вами, Анна, я всегда настроен как дорожный немецкий концертный рояль на сцене столичной консерватории, и готов аккомпанировать вашим любым желаниям...

Семён: Раскраснелся-то как.

Анна: Я ценю ваши комплементы, Генрих, но право, не нужно было сравнивать себя с немецким роялем.

Семён: Давайте, может, будем играть в карты? У меня ладошки уже чешутся.
(Входит медсестра).

Медсестра: Вот они где, наши подопечные. Сытые, в хорошем расположении духа, розовощёкие. Прекрасно выглядите. Здравствуйте, дорогие мои.

Семён: Постараемся, коли не измаемся. Медперсоналу – здоровья желаю.

Генрих: Добрый день, Зинаида Аркадьевна, очень рады вас видеть.

Анна: Мне так же приятно, день добрый. Скажите, милая, всё ли в порядке в нашем заведении? Что-то происходит...

Медсестра: Происходит?

Анна: Да, вы знаете, я это чувствую. Что-то начинает меняться в этом доме, явно произойдут какие-то перемены.

Семён: Так администрация может и не поставить нас в известность о проведении каких либо перепланировок.

Медсестра: А-а, нет, что вы, никакого ремонта не идёт. Ремонт планируется только в следующем году, косметический.

Семён: Всё-то вам известно, Зинаида Аркадьевна.

Медсестра: Так сказал главврач... как-то...

Анна: Скажите, Зинаида, а Виктор Семёнович ничего вам не говорил о том, как долго ещё просуществует эта лечебница? Или о каких-то официальных гостях?

Медсестра: (Недоумённо) Вы думаете это проверка? А откуда вы...?

Анна: Я заметила этого молодого человека из окна. Утром, когда он подъехал на своей машине. Очень странный человек.

Семён: Ну, уж не страннее, чем мы тут с вами?

Генрих: Думаете, он из госаппарата?

Анна: Это вряд ли.

Медсестра: Главврачу он тоже показался подозрительным. Мало того, этот якобы старший научный сотрудник кафедры психопатологии очень хотел с вами пообщаться.

Генрих: В каком плане пообщаться? Допросить нас? Очная ставка?

Семён: Вот это уже интереснее. Не студент, не практикант, старший научный сотрудник, и хочет просто пообщаться?

Анна: Что вы Семён такой подозрительный. Возможно, человек в профессиональном творческом поиске и ищет тему для своей новой научной работы. Как вы думаете, Зинаида Аркадьевна?

Медсестра: Это тоже не исключено. Виктор Семёнович и хочет проверить все варианты, устроить ему проверку. Может быть, вы сможете узнать, для чего явился сюда этот фрукт?

Генрих: Содействие администрации для нас исключительно выгодно.

Семён: Голова, Модеукович! Мы сможем рассчитывать на дополнительные бонусы?

Медсестра: Дополнительные бонусы?

Семён: Ну да! Если мы поможем администрации, проявим лояльность, выражаясь дипломатически.

Медсестра: Смотри, о чём идёт речь?

Анна: Я, примерно, догадываюсь, о чём идёт речь.

Семён: В принципе, я уже неоднократно заводил разговор о потребностях пациентов. Ведь мы все живые люди. И нам всем иногда чего-то очень хочется. Генрих, тебе иногда чего-то хочется?

Генрих: Я ещё ни разу в жизни не был на орбите, на борту космического корабля...

Семён: Вот видите!

Медсестра: Но это невыполнимо.

Семён: А я о выполняемом.

Анна: Очень даже о земном...

Семён: Да, я не космонавт, у меня нормальные планетарные желания. Я уже пять лет, примерно, ничего не выпивал.

Анна: Не напивался, видимо?

Семён: Вы меня, Анна, извините, но вы меня в скотском состоянии не ловили и в свиноподобном образе не видели. Я говорю всего лишь о бутылочке кагорчика. Или портвишок какой, на худой конец... А?

Медсестра: Поверьте, дорогой Семён, это желание так же невыполнимо. Тем более, что мы с вами уже говорили об этом. Могу обещать только торт.

Семён: Да на кой такой... случай в нашей жизни этот торт?!

Генрих: А я от тортика не откажусь. Сладенькое я люблю.

Семён: Да ты сам... сладенький!

Анна: Семён, не стоит так нервничать. Не забывайте, ведь нам и так разрешено играть после обеда в карты, когда другим пациентам максимум что доступно, это просмотр телепередач. К нам и так добры.

Генрих: К нам очень добры.

Медсестра: Да, Семён, к вам и так очень добры. Ну, так что, поможете?

Анна: Я, к примеру, вообще не склонна ставить какие либо условия. Вокруг нас и так довольно разных условностей. Поэтому я с радостью помогу вам, Зинаида Аркадьевна, и Виктору Семёновичу... как вы сказали?

Медсестра: Прощупать.

Анна: Пусть будет так. Прощупать подозрительную личность.

Семён: Я никого щупать не буду! (Все трое смотрят на Семёна вопросительно). Ну, хорошо-хорошо, разок ущипну.

Анна: Не нужно суетиться, Семён. Просто не мешайте. Зинаида Аркадьевна и так слишком переживает за наше поведение, – как бы мы чего не выкинули...

Медсестра: Ну, так значит договорились? Могу передать главврачу, что всё будет в порядке? Поговорите с гостем?

Семён: Поговорим, шут с ним.

Генрих: Надеюсь, он приятный собеседник.

Анна: Передайте главврачу, что мы постараемся вести себя достойно и с пользой для общего дела выявления истинной личности нашего гостя.

Медсестра: Да уж, тёмная лошадка. Кабы не вы, а он чего не выкинул. (Вздыхает). Ну, так я пошла? Минут через десять-пятнадцать тогда...

Анна: Идите-идите, Зинаида Аркадьевна. Ведите нам этого... разберёмся кого!
(Медсестра уходит).

Семён: Суда Линча нам только здесь не хватало.

Анна: Какой вы всё же грубый, Семён! Мы его нежно разоблачим. Или не разоблачим. И он просто останется тем, за кого себя выдаёт.

Генрих: Главное – раньше времени не открывать огонь, пусть ближе подойдёт. А если живьём взять, можно добыть полезной и нужной информации.

Семён: Ты пулемёт-то свой почистил, стратег? И ложку наточить не забудь...

Анна: Всё ясно. В данной ситуации на вас, мои милые друзья, надеяться не приходится. Балансировку беседы придётся взять на себя. Будет видно, кто уверен в себе, а кто готов рухнуть в бездну.

Сцена седьмая

(Конференц-зал, входят главврач и гость).

Гость: Вот это ничего себе!

Главврач: Да, в некотором роде наша гордость. Я вас предупреждал.

Гость: Я думал, вы преувеличиваете. Здесь мест... человек на пятьсот, наверное?

Главврач: Ха! Берите больше. Приглядитесь, ещё и балкон есть.

Гость: Теперь я понимаю. Не напрасно вы меня сюда затащили. Впечатляет! Для такой, прямо скажем, небольшой лечебницы и такой вместительный конференц-зал. Сразу видно, что при перепланировке старого здания денег не пожалели.

Главврач: Впрочем, как и на модернизацию, и на техническое обновление. Хотя понятно, что обновлять здесь было нечего. Все сделано с нуля.

Гость: Вижу-вижу, частный капитал творит чудеса!

Главврач: Вы, видимо, на последней конференции по вопросам психоневрологических заболеваний не были?

Гость: К сожалению, нет.

Главврач: Ну да, ну да, я бы вас запомнил. Хоть это было полгода назад, прошлой осенью...

Гость: Разве осенью? Осенью у вас вроде бы нейрохирурги встречались? Что-то по травмам спинного мозга?

Главврач: Верно, спутался я что-то. «Вирусные и инфекционные повреждения спинного мозга» у нас осенью были. А неврологи симпозиум устраивали уже после нового года. В каком месяце, забыл что-то...

Гость: В середине февраля, накануне Двадцать третьего. Наш профессор, глава кафедры, нам в приватной беседе поведал, как коллеги тогда насимпозиулись.

Главврач: А кто, извините, кафедру возглавляет, по-прежнему...?

Гость: Задвидский Олег Борисович, кто же ещё? Наш светила. И возраст ему не помеха. Семдесят в этом году отметили, а энергии... Ну да вы его, наверное, знаете. Он-то нам о вас много рассказывал. С его благословения я, в принципе, сюда и приехал.

Главврач: Действительно, Задвидский нами давно интересовался. И на симпозиуме много расспрашивал, и уже после него. И созваниваемся мы практически каждый месяц по нескольку раз. Ну, теперь мне почти всё ясно.

Гость: Что ясно? Олег Борисович не устаёт нас всех удивлять своей любознательностью и кругозором. Но вот особенно он отчего-то заинтересовался вашей тройцей, вот этими самыми пациентами. Они каждый день после обеда играют в карты?

Главврач: Ну не только в карты. Иногда в домино... Но чаще действительно в карты. В то, во что можно сыграть на деньги. Больные, а понимают, что просто так не интересно.

Гость: И это с их диагнозами?..

Главврач: И ещё одна немаловажная деталь. Не знаю, упоминал ли про неё Олег Борисович. Никто из них по большому счёту не может выиграть.

Гость: То есть, как, никто не проигрывает? Всегда ничья?

Главврач: Конечно, и проигрывают, и выигрывают, по всякому. Но та сумма денег, которая у каждого из них появилась примерно год назад, до сего дня остаётся неизменной. В течение игры деньги кочуют от одного игрока к другому, а в итоге все остаются при своих.

Гость: И вы наблюдали?

Главврач: Наблюдал, конечно. Это кажется удивительным, но сегодня вы сами сможете в этом убедиться. Это повторяется каждый день. Видимо, поэтому профессор и попросил вас сделать видеозапись.

Гость: Да, возможно. Теперь мне и самому становится что-то непонятно. И интересно.

Главврач: У нас действительно очень интересно. Просто вы ещё многого не знаете. Хорошо это или плохо, не берусь судить.

(Появляется медсестра).

Гость: Я от природы, знаете, тоже очень любопытен. И всё, что связано с психикой человека и её необъяснимыми проявлениями, меня интересует как психиатра-невропатолога, а как простого человека, так в прямом смысле будоражит.

Медсестра: Нашего гостя уже будоражит?

Гость: Что это там? Видите, примерно в середине зала? (Подходит к самому краю сцены). Это человек? Или что?

Медсестра: Неужели и на него подействовало?

Главврач: (Полушёпотом) Но вас ведь он не заметил. Лучше скажите, вы пациентов подготавливали, поговорили с ними?

Медсестра: Как вы и просили. Не беспокойтесь, артачиться не станут. Анна пообещала поддержать эксперимент.

Главврач: Какой эксперимент?

Гость: Эксперимент? Я не понимаю. Мне просто кажется, что там в зале кто-то сидит! Или... Вы что-то сказали?

Главврач: (Показывает жестами медсестре, чтобы та уходила). Ну кто там может сидеть? Думаете, с весеннего слёта стоматологов кто-то задержался? Коллеги вовремя не разбудили. Так бедняга уже фуршет пропустил.

(Медсестра уходит).

Гость: Да вы внимательней посмотрите, вон, почти в центре зала!

Главврач: (Всматриваясь) Это, наверное, что-то оставили. Может уборщица какой-нибудь мешок. Жалко свет только на сцене...

Гость: Может спуститься, посмотреть?

Главврач: Давайте сначала крикнем. (Громко) Эй, кто вы? Ку-ку-у! Там сидит кто-то или это мешок?

Гость: Мешок зашевелился!

Сторож: Какой к чертям собачьим мешок? Это я, сторож ваш! Сплю я тут... Уже не сплю!

Главврач: Фу-ты, ёлки-палки, ну и напугали же вы нас. Вы идите к нам сюда на сцену, выпались уже, наверное.

Сторож: А сколько сейчас?

Гость: Уже после обеда.

Главврач: Часа два, наверное.

Сторож: Ну, это тогда хорошо, что вы меня разбудили. А то бы я тут до вечера проспал.

Главврач: Вы не пугайтесь, это наш ночной сторож дядя Гриша. Вообще-то они с братом Николаем посменно работают, но, к сожалению...

Сторож: (Поднимаясь на сцену) К сожалению, на синей лошади сейчас Коля скачет, уже неделю как.

Гость: На чём скачет, простите?

Сторож: Я говорю, брат мой в синюю яму угодил, вот я за двоих и сторожу уже целую неделю. Сегодня в пять обход утренний делал, да так что-то умаялся, здесь присел отдохнуть и не заметил, как уснул.

Гость: Наверное, кресла-то удобные, если вы так долго проспали? Мягкие?

Главврач: А вы спуститесь, посидите. Оцените комфорт. Любой бы театр позавидовал.

Сторож: Да там садиться негде. Почти все места заняты. Я ведь там не один сидел...

Гость: (Всматриваясь в зал) Не один?

Главврач: Ну, вы у нас дядя Гриша шутник, как я посмотрю. Если к вам ночью сюда Николай со своими друзьями приходил, так кроме вас уже никого не осталось. Или там кто-то между рядов спрятался?

Сторож: Никто там не спрятался. Только аккуратней, чтобы никому на коленки не сесть, народ иногда боязливый попадается.

Главврач: Ну, дядя Гриша, вроде бы и не пил ты сегодня, а собираешь! Вы его не слушайте, спуститесь в зал, посидите.

Гость: Да что-то не хочется. Зябко здесь как-то. Не обогревается что ли?

Сторож: Так лето же, чужак человек, итак тепло, кого обогревать? Я могу валенки с тулупом принести, моя зимняя спецодежда.

Главврач: Ладно, Григорий, хватит цирк устраивать. Человек у нас по делу, не просто в гости завернул.

Сторож: Инспекция, что ли?

Гость: Не-не-не, я врач. Командирован к вам буквально на день. Мне нужно кое-что задокументировать.

Сторож: (Показывая на видеокамеру) Фотографировать будете?

Гость: Да, некоторых ваших пациентов.

Сторож: Картёжников, пади?

Главврач: Дядя Гриша, ну какая вам разница? Вы, наверное, есть хотите, с ночи ведь ничего не ели. Так бегите в столовую, там наверняка ещё что-нибудь осталось. Ага?

Сторож: А вы, Виктор Семёнович, не беспокойтесь, я закусывать уже давно как перестал. Поесть успеется, тем более что за питание у меня из зарплаты удерживается. Так что не вам меня погонять.

Главврач: А кто кого погоняет? Что вы сразу в бутылку лезете?

Сторож: Я вам не Хоттабыч, чтобы в бутылку лезть. Если я вам здесь помешал, то так и скажите. А то сначала мешком обозвали, а потом в столовую выпихивают. А я, между прочим, сотрудник лечебницы на законных основаниях.

Главврач: Да что ж вы так закипятились, прямо перед Анатолием Петровичем неудобно. Находитесь, где вам хочется. У нас вообще-то дела есть, мы сюда случайно забрели.

Гость: Из чистого любопытства. У вас такой конференц-зал шикарный. Не каждая лечебница, да что там, институт не каждый может таким похвастаться.

Сторож: Это точно.

Главврач: Ну, так что, дядя Гриша, мы пойдём тогда? А ты, если хочешь, покемарь, а хочешь, кушай иди. Хозяин – барин, как говорится.

Сторож: Пойду поем. Правда, что-то проголодался.

Главврач: Вот и хорошо.

(Втроём собираются уходить).

Сторож: Тьфу ты, чёрт! Я, кажись, на кресле фонарик оставил. Вы тогда идите, занимайтесь своим документированьем, а я пойду ещё в зал спущусь.

Главврач: Ну, тогда будь здоров, дядя Гриша.

Гость: До свидания, Григорий...?

Сторож: Дядя Гриша!

Гость: До свидания, дядя Гриша.

(Главврач и гость уходят).

Сторож: И вам не хворать! Фонарик-то вот он. (Достаёт из-за пазухи фонарик). Идите, голубчики, а дяде Грише здесь задержаться нужно. Поговорить душа запросила. А с кем? Это уж не ваше дело.

Доктор, говоришь? Командированный? Видали мы таких и докторов, и командированных. Разных видали. А то, как же. Шашлычки, баньку, ещё чего? Дядя Коля с дядей Гришей. По номерам растащить? У нас ведь тут и маленький отель имеется. Опять же наша забота. А если кто в наш посёлок решил лыжи наострить, а потом и заночевать, так это милости просим. Обратное только опять же на нас с Колькой поутру возвращаться приходится. У кого сил нет, у кого памяти. По разному. Но так-то, по большому, обычно не доктора, а эти, как их... урде... удре... учредители куролесят. Те, кто сюда свои деньги вложил. Отрабатывают, по-ихнему выражаясь. А пациенты, их родственнички, об этих их развлечениях даже не догадываются. А зачем? Кстати, некоторые с собой привозят, а некоторые в посёлке мосты навели. Не одной уже судьбу разбили, молодость искалечили. Многие парни да мужики из-за этого давно страшат эту лечебницу подпалить, мол, от неё вся эта порнография началась. А пациенты-то причём, больные люди? Мало того, что в психушку всех посажали, так их ещё и сжечь хотят. В психушку, психушку! Они этот дом хоть как пусть называют, да только людей здесь содержат как психов, потому что сдали их сюда как психов. И в истории болезни у них у каждого написано, что они – психи. Нормальных-то как взаперти удержишь? А тут такой предлог хороший. Ненужные это люди, мешались они кому-то, вот их на запасной путь и согнали, как в музей под открытым небом. Это точно, только одному небу этот музей и открыт. Да вот только те, кто за этими экспонатами присматривают, сами экспонаты хоть куда. Главврач вон никому из своих коллег-докторов не говорит, в секрете держит, что общается со своими медсёстрами, личными секретарями, если можно так выразиться, которых кроме него и ещё некоторых жильцов этого дома никто не видит. Боятся, что самого психом признают, и он из наблюдателя превратится в наблюдаемого. А бояться уже поздно. Те же самые медсёстры что делают, не наблюдают ли за главврачом? Они у него примерно каждые полгода меняются. Сейчас вон Зинаида Аркадьевна, до неё была Вероника Сергеевна, ещё до неё Тамара Леонидовна. И ещё, и ещё, и ещё. Ну, всего штук двенадцать было, как это заведение заново отгрохали. И всё ему что-то нашептывают, что-то советуют. А он человек слабохарактерный, слушает и делает, как ему говорят. А может, и не надо было так делать? Но я в их дела не лезу, без моих соплей обойдутся. У меня у самого голова проблемами забита. Даже выпивать бросил. Вот уже как год почти ни-ни! Мысли хоть выстраиваться начали. А то раньше напьюсь и реву белугой. Мысли хороводы водят, душу рвут на части. А когда жена на север уехала, – говорят к какому-то фразеру, месяцев шесть с ним переписку вела, видно уговаривал, – так меня вообще с катушек снесло. Даже Колька, брат мой, говорил мне, что я сам не свой. Что так и душу пропить свою можно, остановись, мол, Гриша. А я не слушал, с горя, мол, пью, и всё тут! И вдруг узнаю я, что дочка моя в город упорхнула с каким-то заезжим бизнесменом. Оставила одного батю посреди степи, как ковыль на ветру. Подумал я тогда, что один остался, что прибудет меня как ковыль к земле. И взял, и завязал! А от дочурки ни письма, ни звонка, ни весточки. Может знает кто, Вера Флягина? Или, может, она по матери решила, Передцова теперь, а? Хоть что-нибудь бы о ней узнать. Где она, что она? Если кто увидит её, передайте, Бога ради, что папаня её, папа Гриша, любит её и очень ждёт. Пусть хоть через кого-то приветик пошлёт, всё ж таки я буду знать, что у неё всё в порядке. И ещё передайте, что я не пью уже год, что я другой стал, добрее. И даже матом стараюсь не ругаться. А это в посёлке у нас ох как не просто. Вы передайте, если увидите. Вера Флягина. Или Передцова. Фамилии-то простые, легко запомнить.

Ну да ладно. Разошёлся я что-то, расчувствовался. Пойду, поем, правда что ли... В животе заурчало. Кормёжки просит. Я найду ещё. Может, ещё чего скажу. Очень мне нравиться с вами общаться. Ни слова поперёк не скажите, всё слушаете и слушаете. У меня ещё таких собеседников в жизни не было. Я бы вообще отсюда никуда не уходил, если бы ни эти

заседания с конференциями. Ух, я их терпеть не могу! Ну, да ладно, вы тут не скучайте, я ещё приду. Ага...

(Уходит).

Действие второе

Сцена восьмая

(Комната отдыха. За столом трое: Анна, Семён и Генрих Модеукович).

Семён: Ну что это за колода такая? Не карты скоро будут, а тряпочки.

Анна: Я ведь совсем забыла...

Семён: А я потому и напоминаю. Скоро они в руке держаться не будут. Повиснут вот так через руку, и всем будет видно, почему это я вдруг пошёл с девятки.

Генрих: А я знаю, почему ходят с девятки.

Семён: Да-а? Ну вот, теперь и Генрих Модеукович обо всём догадался. И почему, о, великий картограф вселенной?

Генрих: Блефуют.

Семён: И всё? Могут ещё быть варианты?

Генрих: Блефуют и всё тут!

Семён: Я же говорил. Вот почему мы у него выиграть не можем. Знаток! Блефовальщик!

Анна: Опять вы, Семён, передёргиваете. Не нравится вам Генрих Модеукович, а вы ведь и сам не сахар. Иногда так оскалитесь, что такой агрессии любой дикий зверь позавидует.

Генрих: Аллигатор, например...

Семён: Начинается критика. А, между прочим, просто о тонкостях игры спросил, о тактике и манере. Вам из-за моего характера всё кажется, что я кого-то укусить хочу. А я просто так разговариваю.

Генрих: Лично я это уже давно понял инисколько на Семёна не обижаюсь.

Анна: Генрих Модеукович, добрая душа. Ещё бы вы на кого-нибудь обижались. А мне вот в пору на себя обижаться, в третий раз забываю попросить у этой молодой особы привезти нам новую колоду карт. Это действительно никуда не годится.

Семён: Значит, договорились, в следующий раз не забудете?

Генрих: Я вам напомню, не переживайте.

Анна: Договорились. Ну а пока этими сыграем. Семён, раздавайте.

Семён: Сыграем в «храп»?

Анна: Лучше снова в «тысячу».

Семён: В «храп» уже три дня не играли.

Генрих: А мне всё равно, хоть в «Акулину». Или «верю, не верю». В это я давно не играл.

Семён: Память о покойной бабушке?

Генрих: О какой бабушке? Мы в пионерлагере с вожатым по ночам играли.

Анна: Что, тоже на деньги?

Генрих: Нет, на бутылки.

Семён: Опа! Вы в пионерах уже прикладывались?

Генрих: Прикладывались? Ах, нет, что вы. По правилам, кто сколько бутылок проигрывал вожатому, тот должен был на следующий день столько же собрать в окрестностях лагеря и за его пределами. Вокруг было три или четыре санатория, вот мы и промышляли в сончас поиском стеклотары.

Анна: И много вы ему таким образом проиграли?

Генрих: Да как тут сосчитать. Вот то, что он к концу сезона себе в местном промышленном магазине индийские джинсы купил, это помню точно.

Семён: Значит много. Хитрюга был ваш вожатый.

Генрих: Не знаю. Нам-то нравилось.

Анна: В «Акулину» всё равно играть не будем. С тем же успехом можно и в «сто одно».

Семён: Тогда уж сразу в пасьянс.

Генрих: Разве есть такой, на трёх человек?

Семён: Ну, Гера, и впрямь тебя пожалеть надо. Как же тебя жизнь-то побила.

Анна: Сынок родной, а не жизнь.

Семён: Да помню я. Ладно, давайте снова в «тысячу». Но завтра в «храп». Не зря же я вас учил в него играть. Ну, нравится мне эта игра, как вам эта «тысяча».

Анна: Вы же знаете, что мне больше всего нравится «преферанс», но в него мы играем с субботы на воскресенье.

Генрих: Мне так нравятся эти субботние ночи, когда все спят, а мы: «вистую, распишем пулю, гора, торговля, прикуп!!!». Как у классика.

Анна: У классика попроще было. Да и ставки у нас несоизмеримо меньше.

Семён: «Пиковая дама», что ли? Хе! Сумасшедших побольше, правда, зато не так весело.

Анна: Во все времена сумасшедших довольно было. Да и мы с вами не совсем сумасшедшие. Сумасшедший, значит умалишённый. А мы – эпилептики с редкой разновидностью, уникальной формой этого неврологического заболевания, – бессудорожная эпилепсия. Не психического расстройства, заметьте.

Семён: Да перестаньте. Вы ни себя, ни меня не успокаивайте. Вот Генрих Модеувкович ещё вас выслушает, а мне можете лекции не читать. Если с башкой не в порядке, значит точно шизик. А уж неврология это или психиатрия, не один ли леший!

Генрих: Давайте лучше в карты играть.

Семён: Вон, даже Генриху надоели ваши успокоительные проповеди. В «тысячу» так в «тысячу». Раздавайте!

Анна: Сдвинете? (Протягивает колоду).

Семён: Сдвинулся уже. Не в «дурака» играем...

Анна: Положено.

(Входят главврач и гость).

Главврач: Ну-ну, уже засели? Нарушители внутреннего распорядка. Опять на деньги играете?

Генрих: Нет, что вы, на очки, только на очки.

Семён: (Генриху Модеувковичу) На пенсне твоё позолоченное.

Анна: На деньги, конечно. Какой толк на «просто так» играть. Мы же не школьники, чтобы на спички или на фантики играть. Деньги жалко проиграть и приятно выиграть. Может, вы нас представите?

Главврач: Ах, извините. Мы ведь для этого сюда и пришли. Анатолий Петрович специально приехал к нам в гости, чтобы познакомиться с вами поближе, если можно так выразиться.

Семён: Можно, так у нас выразиться не воспрещается.

Анна: Издалека к нам пожаловали, Анатолий Петрович?

Гость: Вы Анна, на сколько мне уже стало известно?

Анна: Анна.

Гость: Очень приятно. Анатолий Петрович, старший научный сотрудник кафедры психопатологии, нервных и психических заболеваний медицинской академии. Приехал сегодня утром ровно на этот день, чтобы лично пообщаться с вами и с вашими... товарищами.

Анна: Просто пообщаться?

Гость: Если вы не против, конечно.

Семён: А насколько нам стало известно, вы ещё планируете произвести видеосъёмку нас, как подопытных кроликов.

Главврач: Ничего подобного. Ему просто поручено зафиксировать на видео вашу игру в карты. Милая сцена из жизни обитателей пансиона. Никаких кроликов.

Генрих: Кем поручено? На кого работаете?

Гость: Работаю на благо российской медицины.

Анна: Про клятву Гиппократата уже забыли...

Гость: Почему забыл? Ещё на первом курсе учили.

Генрих: В старой или в новой редакции?

Гость: Мы же в новом времени живём, значит в новой. А зачем вы это спрашиваете?

Семён: А вы нам тоже очень интересны.

Главврач: Друзья мои, на сколько мне известно, вы были согласны помочь нам в общении. И про видеосъёмку были поставлены в известность. Может быть, что-то изменилось и вы пошли на попятную?

Анна: Нет-нет, всё в порядке. Мои партнёры по картам немного поупражнялись в своём остроумии. Как вы хотите: сначала играем, потом беседует, или сначала беседуем, потом играем?

Гость: А давайте я запущу камеру, и пусть она снимает и нашу беседу, а потом и вашу игру? Хорошо?

Главврач: Ничего страшного в этом нет. Не раз ведь фотографировались. Почти никакой разницы.

Семён: А лишнего эта камера не заснимет?

Гость: Чего именно?

Генрих: Да мало ли чего. Лишнее оно и есть лишнее. Его ни с чем не спутаешь. Посмотришь и сразу видно – лишнее!

Главврач: Нет, я не думаю, можете не переживать, ничего лишнего снимать не будем, только вас и вашу игру в карты. Во что вы сегодня играете?

Анна: В «тысячу».

Главврач: Вот и замечательно. Начнём?

Семён: Да Бог с ними, пусть снимают, время уходит. Давайте уже, Анна.

(Анна раздаёт карты, гость устанавливает камеру).

Гость: Вы только в «тысячу» играете?

Анна: Нет, ну почему же. С субботы на воскресенье мы играем в «преферанс».

Гость: С субботы на воскресенье?

Анна: Да, знаете ли. Иногда часов до трёх-четырёх засиживаемся.

Генрих: Увлекаемся.

Семён: А что тут ещё делать?

Гость: «Преферанс» – вещь знатная. А, Виктор Семёнович? Вы в студенческие годы сами не увлекались?

Главврач: Да нет, как-то всё больше учёбой. У меня с латынью проблемы были, так что не до «преферанса»...

Гость: У кого не было проблем с латынью? А мы вот частенько с однокурсниками засиживались.

Семён: Тоже, значит, картёжник? И много проигрывали?

Гость: Что там со студентами проиграешь? А если даже в трубу вылетишь, так всё равно они же тебя и накормят, и напоят. Студенческое братство.

Главврач: Неужели вы ещё застали?

Гость: Застал. А вы, значит, не играли?

Главврач: Нет. На деньги – как-то мне не нравилось это.

Гость: А у нас говорили, я помню: кто не научился играть в «преферанс», тот обеспечил себе одинокую старость.

Главврач: Ну что же, действительно про меня.

Генрих: Вы не отчаивайтесь, Виктор Семёнович, мы с Анной можем вас научить. Семёна же научили.

Семён: И теперь мне одинокая старость не грозит, – мне повезло.

Гость: Вот, ещё вспомнил: карта не лошадь, к утру повезёт.

Анна: Может быть, вы ещё и про помеху «преферансу» вспомните?

Гость: Конечно. Помеха «преферансу» – скатерть, женщины и шум... (Смутившись). Но к вам, наверное, это не относится.

Семён: Ишь ты!

Генрих: У нас в «преферанс» только одна женщина играет, других нет.

Главврач: Скатерти у нас в обязательном порядке только в столовой. Тишины хоть завались, иногда только дятла и слышно. А на счёт женщин? Женщины, они, уважаемый Анатолий Петрович, не первый год и во флоте служат, и в самолётах летают. Да и вообще, кому помеха, а кому и утеха.

Гость: Это всего лишь присказка, не более.

Анна: А вы женаты?

Гость: Я? Женат, конечно, и дети есть. Вчера дочурку на утреннике снимал, вот, на видеокамеру.

Анна: Не мешает?

Гость: Кто? Кто не мешает?

Семён: Видеокамера?

Гость: Ах, да. Всё готово. Давайте снимать. Вы играйте, играйте.

Генрих: Не все ещё сделали взнос в банк. Ставка прежняя.

Гость: По сколько, если не секрет?

Анна: Не секрет, по сотне.

Гость: Нормально. А деньги у вас имеются?

Генрих: Анна любезно предоставила нам небольшой кредит. Больше нам их взять неоткуда.

Семён: Посетители ходят только к Анне. Ну, та молодая особа, куколка с губками.

Анна: Девушка, как я полагаю, взяла надо мной шефство. Носит мне книги, тёплые вещи, иногда сладости, новые колоды карт. Один раз по моей просьбе дала мне небольшую сумму денег. Но это было давно.

Семён: Это когда нам надоело играть на обёртки от конфет. Сейчас даже смешно.

Генрих: А по мне, так никакой разницы.

Анна: Со временем мы действительно поняли, что принципиальной разницы не существует.

Гость: Как же, деньги и фантики?

Анна: Видите ли, у нас у каждого по полторы тысячи рублей. И, естественно, выше этой суммы ставку мы поднять не можем. Можно, конечно, друг у друга одолжить денег на словах или под расписку. Но дело совсем не в этом.

Гость: А в чём же тогда дело?

Семён: У нас всё время так получается, что одному кому-нибудь выиграть не получается.

Генрих: То один выигрывает, то другой, то третий...

Анна: И так по кругу. В итоге все остаются при своём.

Гость: Значит, вы втроём достигли одинакового уровня мастерства. Вот и всё.

Анна: Вы сказали, что сами играли в карты. И видимо очень увлекались. У нас куда-то подевался элемент случайности. Иногда у нас самих складывается такое впечатление, что мы действительно раскладываем какой-то загадочный пасьянс на троих.

Генрих: Не исключено... Я подозревал...

(Появляется медсестра. Вид озабоченный, нахмуренный. Знаками показывает главврачу, что хочет с ним выйти).

Гость: Запись идёт, а вы не играете.

Семён: Так как мы можем и с вами говорить, и торговаться. Либо-либо.

Анна: Действительно, давайте уже всё обсудим, а потом спокойно поиграем?

Семён: Давайте.

Генрих: Может и доктор к нам присоединится?

Гость: Нет, спасибо. Я, в некотором роде, при исполнении, на работе, на посту.

Медсестра: (Шёпотом за спиной главврача) Мне нужно с вами поговорить.

Семён: Ну, тогда просто смотрите.

Гость: Хорошо.

Главврач: (Медсестре) Хорошо, хорошо... Да, сейчас.

(Раздаётся раскат грома).

Семён: Ого, как шарахнуло!

Генрих: Виктор Семёнович, кажется, вас вызывают.

Гость: А вы шутник.

Семён: Да у нас тут все немного шутники.

Главврач: Мне действительно нужно ненадолго отлучиться. Переговорить кое с кем.

Анна: С нашей главной медсестрой? Идите, не бойтесь, ничего мы с вашим гостем не сделаем.

Главврач: Я на минуту, извините, Анатолий Петрович.

(Медсестра и главврач уходят).

Гость: Непогода что-то разыгралась. Небо вон как затянуло. Если к вечеру ливень пойдёт, придётся мне у вас заночевать.

Семён: В ливень на трассе опасно. Либо тащиться кое-как, либо на обочине мокнуть.

Анна: Моё слово. Сотню возьму.

Семён: Я тоже возьму... возьму сто сорок.

Генрих: Я пасс...

(За спинами игроков появляются три медбрата в белых халатах).

Анна: Посмотрим... Всё таки пиковый марьяж мой.

Семён: Лиха беда начало. Запишите, Генрих Модеукович.

Гость: Кстати, а откуда такое отчество? Это получается, что ваш отец был Модеувк? Правильно я произнёс? Я не слышал о таком мужском имени.

Семён: Многие говорят, что не слышали до встречи с Генрихом Модеуковичем. Значит вы тоже ничего не знаете о его отце, заметной личности своего времени.

Анна: Да, вы верно произнесли, Модеувк. Но об этом может рассказать только сам Генрих Модеукович. Все истории, связанные с его семьёй могут не однозначно сказаться на его психологическом состоянии. Вы понимаете, о чём я говорю?

Гость: Конечно. Беря во внимание ваш диагноз, вам противопоказаны резкие эмоциональные перепады.

Семён: Ну, так что, Гера, поведаешь про своего батыю, пока у нас игра только в зачаточном состоянии? Один кон только разыграли.

Генрих: Я не знаю, как отнесётся к этому мой сын. И не сболтну ли я чего лишнего. Отец был человеком строгим. В принципе, я давно никому не рассказывал о своём отце. А человек он был хороший. Имя ему дал его отец, мой дед.

Семён: Да ну!?

Генрих: Это я вам точно говорю. Рассказ, вообще-то, нужно начинать именно с него. Нелёгкое было время послереволюционного становления молодого советского государства...

Семён: Анна, сдавайте пока ещё, за Геру.

Сцена девятая

(Медсестра в кабинете главврача. Заходит главврач).

Главврач: Вы видели, как полыхнуло?

Медсестра: Видела, Виктор Семёнович. Большая гроза идёт.

Главврач: Нужно будет проконтролировать, чтобы закрыли все окна и форточки. Со стихией шутки плохи.

Медсестра: Стихия не любит шуток. Это только на первый взгляд природа прекрасна и восхитительна. Но если повнимательней к ней приглядеться, как становится понятно, что она слепа и жестока.

Главврач: Я начал замечать в последнее время, как у вас, Зинаида Аркадьевна, всё ниже и ниже падает настроение. А мыслями вы начинаете понемногу улетать от нашего дома. Я прав?

Медсестра: Да, это так. Несколько дней назад я уже начала чувствовать некое приближение какого-то большого магнита. Меня начинает тянуть всё больше и больше куда-то вверх. А сегодня я услышала явственный голос. Он говорил мне.

Главврач: Может быть, это был кто-то из пациентов? Или сторож дядя Гриша? Как-то раз под пьяную лавочку он проговорился мне, что тоже видит всех моих помощников в этом доме. Может быть, решил подшутить над вами?

Медсестра: Нет, это был совсем другой голос. Я даже узнала его. Его трудно спутать с каким-нибудь другим голосом. Всю свою жизнь мы словно не догадываемся о его существовании, но наступает момент, и мы его сразу же узнаём. Это он. Это его голос.

Главврач: Ну, хорошо, пусть это будет его голос. И что же он вам сказал?

Медсестра: Он сказал мне всего лишь одно слово. Но мне было его достаточно, чтобы всё понять.

Главврач: У всех это происходит по-разному. И некоторые ваши предшественницы попросту уходили. А с вами ещё и говорят. Голос сказал «Аминь»?

Медсестра: Нет. Он просто сказал «Пора!». Сегодня я должна вас покинуть. Всё, что я могла сделать для вас и ваших пациентов, я сделала. Много или мало, полезного или бесполезного, – судить не нам с вами. Значит, это просто кому-то было нужно. И вот ещё что. Мне известно то, о чём вы хотели бы попросить меня перед тем, как я покину вас.

Главврач: Но как это возможно?

Медсестра: Если бы я знала, как вообще это всё возможно... Вы просите этого у всех, таких же, как я, которые появляются рядом с вами и затем исчезают бесследно. У всех, кто отправляется вслед за ней, которая была рядом с вами самой первой.

Главврач: Откуда вы это знаете?

Медсестра: Не плачьте. Я не знаю. Можете сказать мне это, а можете не говорить. Каким-то образом ваши слова уже звучат в моей голове. Я обязательно выполню вашу просьбу, если это окажется в моих силах.

Главврач: Самой первой моей помощницей, моей медсестрой, была моя супруга, которая умерла к тому времени уже как два года. И когда я уехал из города, решив связать свою дальнейшую врачебную практику с новой частной спецлечебницей, через неделю появилась она, моя Рая. Её видел только я и некоторые пациенты, но не все. Я запирался в кабинете, и мы часами разговаривали с ней. Она никак не могла вспомнить свою прошлую жизнь. Впрочем, как и все последующие мои помощницы.

Медсестра: Я тоже не исключение.

Главврач: Это была настоящая пытка вперемешку с чувством огромного счастья от одной только мысли, что любимый человек снова рядом. Что он смог вернуться оттуда,

откуда, казалось бы, возвращения нет. Два месяца сладких иллюзий. Пока в один прекрасный день, вернее, ужасный день, примерно такой же, как этот, моя Рая не произнесла мне слова прощания.

Медсестра: Она сказала вам, что её время вышло, ей необходимо вернуться.

Главврач: Да. Просто, необходимо вернуться. Куда? Зачем? Для чего нужен был этот спектакль? Этот фарс? Я чувствовал себя препарированной лягушкой под Божьим микроскопом, только вместо внутренностей он пытался разглядеть мою душу. Что там у него внутри? Ну-ка, как оно работает, то, что я ему вдохнул? Всё ли в порядке с его шестерёнками и звёздочками? А у меня этот весь механизм так гудел, натянутыми тросами, готовыми вот-вот лопнуть... Я целый месяц с дядей Гришей не просыхал. Меня в котельной на носилках от посторонних глаз прятали...

Медсестра: Потом была вторая, третья, четвёртая... Вот и моя очередь подошла.

Главврач: Самое удивительное для меня это то, что никто из вас не помнил своего прошлого.

Медсестра: Очень часто прошлое для человека является непосильной ношей. А так как мы почти или уже не люди, а скорее духи, призраки, нам, видимо, разрешено не таскать за своими плечами этот груз прожитых лет... А к нашей смене вы уже попривыкли?

Главврач: Как тут попривыкнешь? Удивительно, что вы ещё имя своё помните.

Медсестра: Мне это самой удивительно. Не знать, кто я есть на самом деле, но при этом помнить своё имя. Непонятно...

Главврач: Так, значит, вы сможете?

Медсестра: Да-да, конечно, не переживайте. Если мне удастся, если я каким-то образом увижу вашу жену или встречу, – никому не известно, как это может произойти, – я обязательно передам ей о том, что вы её по-прежнему очень любите, и будете помнить всегда. Ну, до самого того момента, пока сами не сможете излить ей все свои чувства. Непосредственно при встрече, лично, в общем...

Главврач: Хорошо...

Медсестра: Что хорошо?

Главврач: Не знаю, мне просто на душе как-то спокойней стало.

Медсестра: Понятно. А вы церковь давно посещали?

Главврач: Я? Церковь? А это так необходимо? Почему вы меня об этом спрашиваете?

Медсестра: Мне видно, как вы страдаете. И всё то время, пока я была рядом с вами, это было заметно.

Главврач: А причём же тут церковь?

Медсестра: Некоторым людям она помогает. Вера может принести утешение, душевный покой, сострадание, в конце концов.

Главврач: Я, знаете ли, не некоторый и чужое сострадание мне ни к чему. Я сам страдаю всем тем, кто находится под крышей этого здания. Душевный покой? А нужен ли он, этот душевный покой? Покой души равнозначен покою тела. В конечном итоге, и в том и в другом случае, всё закончится банальным погребением. Правда, я слышал, что душа бессмертна. Значит, и покой ей ни к чему. Пусть живёт и трепещет.

Медсестра: Страдает.

Главврач: Ничего, пострадает, пострадает, да перестанет. Когда-нибудь всё равно перестанет.

Медсестра: Вы, Виктор Семёнович, человек образованный, вам виднее.

Главврач: Так, значит, говорите, сегодня смена караула?

Медсестра: Чего смена?

Главврач: Я просто образно выразился. Вы уйдёте, и придёт другая.

Медсестра: Возможно, придёт, а возможно и не другая.

Главврач: Я как-то об этом не подумал. (Гремит гром). Вы слышите, как громыхает? А ведь верно, до этого были только женщины. Почему, кстати?

Медсестра: Вопрос не ко мне, а скорее к вам.

Главврач: Хорошо-хорошо, я всё понял. Никто ничего не знает, никому ничего не понятно.

Медсестра: Вы слишком много задаёте вопросов, при этом не стараетесь сами на них ответить. Ладно, мне пора. Прощайте, Виктор Семёнович.

Главврач: Вот так вот просто возьмёте и уйдёте? А попрощаться с пациентами, с которыми вы беседовали последние полгода, поддерживали их морально и, как вы говорите, выражали сострадание?

Медсестра: Я думаю, это уже ни к чему. Тем более что меня что-то торопит. Словно подталкивают: «быстрее, быстрее!». Я сама чувствую, что что-то случилось. Уже случилось. Где-то на дороге. И это ужасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.